

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.17223/18137083/84/15

Теория дискурса в современном литературоведении

Алексей Игоревич Силантьев

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

as14100@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6263-512X>

Аннотация

Рассматриваются аспекты применения теории дискурса в современном литературоведении. Показывается, что освоение категории дискурса берет начало в осмыслении теоретического наследия М. М. Бахтина, в первую очередь понятий высказывания и речевого жанра. Бахтинские категории используются исследователями в синтезе с прагматической теорией дискурса Т. ван Дейка и подходами представителей французской школы дискурсного анализа, в частности П. Серио. Современная теория литературы связывает понятия жанра и дискурса и тем самым расширяет парадигму литературного жанра до прагматического (коммуникативного) измерения эстетического дискурса. Это отвечает особенностям современной литературы, в которой важным становится языковой аспект дискурса, позволяющий автору эстетически объективировать нарратора и представить его как самостоятельную дискурсивную инстанцию в системе художественного произведения.

Ключевые слова

дискурс, литературоведение, речевой жанр, высказывание, произведение, автор

Для цитирования

Силантьев А. И. Теория дискурса в современном литературоведении // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 210–221. DOI 10.17223/18137083/84/15

Discourse theory in modern literary studies

Aleksei I. Silantev

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

as14100@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6263-512X>

Abstract

The paper deals with the aspects of applying the discourse theory in modern literary criticism. Mastering the discourse category started with understanding the theoretical heritage of M. M. Bakhtin, primarily the concepts of utterance and speech genre. The researchers use Bakhtin's categories in combination with the pragmatic theory of discourse by T. van Dijk and the approaches of the representatives of the French school discourse analysis, particularly P. Seriot. Literary studies treat genres *per se* mainly in poetological terms. Meanwhile, there

© Силантьев А. И., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 210–221

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 210–221

are noticeable tangible differences between literary genres in the communicative-pragmatic sphere, provided it is understood broadly enough as the sphere of the author-reader interaction in the aspect of a specific convention of existential meaning. Modern literary theory, particularly in the works of V. I. Tyupa, links the concepts of genre and discourse, expanding the literary genre paradigm to the pragmatic or communicative dimension of aesthetic discourse. The cultural theory of discourse has become essential for literary studies as part of the “image of discourse” problem (E. A. Surkov), the situations when a certain configuration of discourse acts as an independent aesthetic object in a literary work. Particularly important in Russian literature of the 20th century is the linguistic aspect of the “image of discourse,” allowing the narrator to be aesthetically objectified and presented as an independent discursive instance in the fiction work system.

Keywords

discourse, literary criticism, speech genre, statement, work, author

For citation

Silantev A. I. Discourse theory in modern literary studies. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 210–221. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/15

Понятие дискурса в современной филологии трактуется в рамках двух различных научных парадигм. Первый подход зародился в русле лингвистической идеи о предметном изучении речи как первичной материи языкового существования. Эта идея отчетливо сформулирована уже Ф. де Соссюром в рамках провозглашенной им триады «langue – langage – parole», где второй член (langage) отвечает за представление о целостном феномене речезыковой деятельности, в рамках которой формируется системное отношение языка и речи как таковое [Золотухин, 2016]. Собственно, речевая деятельность (langage) и есть дискурс в широком понимании этого термина, происходящего от латинского «discursus», первоначально – «круговорот», в нашем случае – круговорот речи. Таким образом, дискурсный анализ в рамках первого подхода предполагает комплексные исследования речи – как индивидуальной, так и совокупной, интегральной, соотношенной с определенным коммуникативным сообществом. Становление и развитие лингвистических теорий дискурса подробно рассмотрено в монографиях [Марков, 2003; Карасик, 2004].

Второй подход связан прежде всего с трудами М. Фуко [1996; 2004] и исследованиями языка и коммуникативных процессов в системе культурных укладов общества в различные эпохи. Дискурс и, шире, дискурсная формация в рамках данного подхода означает «устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения» [Силантьев, 2004, с. 8–9]. Дискурсные формации, по Фуко, с одной стороны, охватывают исторические ментальные эпохи (Средневековье, Возрождение, Новое время), с другой стороны, в каждом социально и культурно оформленном периоде истории отвечают многообразию публичных и частных сфер общения – обиходной, официальной, религиозной, образовательной, политической и многим другим (о сходстве и различии понятий дискурса и сферы общения см.: [Ким, Силантьев, 2017]). В отечественной филологической традиции культурологический подход наиболее последовательно воплощен в работе Э. В. Чепкиной [2001], посвященной исследованию журналистского дискурса.

Ведущая роль в становлении литературоведческих интерпретаций теории дискурса принадлежит эстетике словесного творчества М. М. Бахтина и последующим систематизирующим трудам В. И. Тюпы.

Отношение автора и героя в плане эстетической деятельности, по М. М. Бахтину, невозможно без творческого осуществления и языкового воплощения ключевого коммуникативного объекта литературы – собственно художественного произведения [Бахтин, 1979]. Именно произведение, подобно речевому высказыванию, выстраивает систему эстетической коммуникации, в которую вовлечены автор как адресант, читатель как адресат и герой как непосредственный эстетический предмет коммуникации.

Аналогия с высказыванием не случайна – последнее выступает ключевым конструктивным элементом коммуникативной ситуации как таковой. Языковую основу высказывания составляет предикация как механизм формирования информации по принципам, раскрытым представителями Пражского лингвистического кружка в рамках теории актуального членения [Матезиус, 1967] (см. также: [Николаева, 1972; Ковтунова, 1976]). В рамках теории актуального членения трактует начало информации и В. И. Тюпа: «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем» [1996, с. 12]. Как пишет в этой связи И. В. Силантьев, «информативно не только взаимодействие (или, для нас, дискурсивное соположение) двух формально внешних по отношению друг к другу моментов – информативно и соположение частей внутри целого, частей, которые это целое, охватывая их общими границами в дискурсе, вынуждает тем самым входить в отношения соположения» [Силантьев, 2004, с. 11].

Бахтинская трактовка произведения оказывается максимально близкой к пониманию высказывания как ключевой коммуникативной единицы, с той существенной поправкой, что произведение является целостной и завершенной единицей собственно эстетической коммуникации, функцией и средством передачи эстетического смысла как смысла окончательного завершения героя в экзистенциально значимом поступке.

Последний момент исключительно важен как для понимания самого феномена эстетической коммуникации, так и для определения роли этого понятия в системе литературоведческой теории дискурса. В общем виде концепция М. М. Бахтина рассматривает сущностное понимание жизни не как статичную данность, а как действие и событие. Нравственное понимание жизни является для мыслителя философией поступка. Хотя он и различает жизнь и искусство онтологически, но говорит о том, что их связь лежит в области ответственности личности. Таким образом, в «мире эстетического видения» [Бахтин, 1994] моральное понимание поступка переходит в план художественного произведения как эстетического события. Последнее предполагает, что оно совершается лишь при двух участниках, что неизбежно приводит к несовпадению и различению сознания, а также самих инстанций автора и героя. М. М. Бахтин использует философское понятие Другого, подразумевая, что герой отчуждается от автора в первую очередь самим автором (впоследствии феномен смыслового отчуждения по-своему интерпретируют представители французской школы анализа дискурса – см. об этом ниже). Сознание автора охватывает и сознание героя, и окружающий героя мир и, таким образом, обуславливает необходимость автономии героя от автора. Герой обладает определенной целостностью «себя» и своей личности по отношению к автору: видение автора переходит в видение героя, подобно тому, как человек в обыденной жизни оценивает себя, представляя себя и окружающий мир глазами другого. Но, в отличие от мира обыденных представлений, в эстетическом событии не происходит последующего возврата к видению автора. Полная тождественность

сознания автора и героя приводит к разрушению эстетического события и его трансформации в событие этическое либо к элиминации художественного героя как такового.

В целом отношение автора и героя, эстетическое по своей природе и коммуникативное по определению, интересует М. М. Бахтина много более, чем отношение автора и читателя – адресата автора и реципиента героя, но именно эта достроенная до триады цепочка оказывается в центре внимания В. И. Тюпы.

Исследователь осуществляет синтез теории эстетической коммуникации М. М. Бахтина и концепции прагматического дискурса голландского лингвиста Т. ван Дейка [1989]. Интересы голландского ученого лежат совсем не в области эстетики, его исследовательский фокус полностью сосредоточен на прагматической коммуникации, имеющей целью непосредственную передачу информации. Поэтому для него оказываются важными как позиция отправителя информации – адресанта, так и позиция ее получателя – адресата. Это же становится существенным и для концепции В. И. Тюпы, проецирующей эстетико-коммуникативную модель литературного творчества на треугольник «автор, произведение, читатель», но с учетом бахтинского высшего смыслового центра, в бесконечности стремящегося к пределу Бога.

Другая траектория преемственности в трактовке дискурса в литературоведении имеет отправной точкой концепцию речевых жанров, сформулированную М. М. Бахтиным в работе «Проблема речевых жанров» [1996]: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, т. е. отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны *в целом* в высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами* [Там же, с. 159].

Концепция речевых жанров М. М. Бахтина имела плодотворное продолжение в современной лингвистике, где исследования в рамках данной проблематики сформировали отдельную область под названием «жанроведение» (иногда «генристика») [Жанры речи, 1999; Дементьев, 2010]. Здесь изучаются тематические и композиционные характеристики жанров, их принадлежность к различным сферам общения, прагматические признаки, широкое многообразие, начиная от традиционных устных жанров бытового приветствия и прощания, от письменных жанров делового письма и договора и заканчивая неочевидными в своих коммуникативных стратегиях речевыми жанрами гражданского паспорта или, в пределе, трамвайного билета.

Иная линия рецепции и развития бахтинской концепции речевых жанров проявляется в литературоведении, также в работах В. И. Тюпы и снова во взаимодействии с идеями Т. ван Дейка.

Для последнего дискурс предстает как «коммуникативное событие социокультурного взаимодействия» (а не как способ или средство), включающее в себя «говорящего и слушающих, их личностные и социальные характеристики, другие

аспекты социальной ситуации» [Дейк, 1989, с. 122]. В характеристике дискурса автор выделяет три уровня его организации: макроструктурный, суперструктурный и микроструктурный. Макроструктурный уровень включает аспекты обобщенной тематики дискурса и системы его коммуникативных стратегий, вовлекающих в поле общей организации смысла адресанта и адресата как субъектов дискурса. Макроструктура дискурса предполагает владение субъектами дискурса его макропропозиций, отвечающих общей тематике и коммуникативным правилам дискурса. Суперструктура в понимании Т. ван Дейка отвечает за правила построения жанров дискурса, или речевых жанров в терминологии М. М. Бахтина¹. Микроструктура предполагает разбиение дискурса на элементарные предикативные составляющие, которые не тождественны лингвистическому предложению и могут быть меньше его.

Для нашей темы существенным является понятие суперструктуры, практически тождественное понятию речевого жанра, но с той важной поправкой, что оно в первую очередь учитывает коммуникативно-прагматические аспекты построения, употребления и распознавания дискурса в конкретной коммуникативной ситуации. Именно коммуникативно-прагматический аспект, сформулированный в концепции Т. ван Дейка, оказывается определяющим для В. И. Тюпы, распространяющего это измерение на литературоведческую теорию жанров.

Отметим, что жанры как таковые в литературоведении традиционно трактуются не в коммуникативно-прагматическом, а в поэтологическом плане. Например, различия жанров новеллы и романа определяются по тематическим и структурным признакам построения сюжета, особенностям эстетического типа главного героя, функциональным свойствам наррации и нарратора и т. д. Так, Е. М. Мелетинский, сопоставляя роман и эпопею, писал: «Роман в отличие от эпоса разделяет со сказкой и специфический интерес к формированию и судьбе (испытаниям и приключениям) отдельной личности, но гораздо больше, чем сказка, ориентирован на изображение “частной жизни” и личности, достаточно эмансипированной от эпического фона. Роман дерзает и на недоступное сказке изображение внутренних душевных коллизий, а позднее – и на широкий бытовой фон» [1986, с. 124]. По определению Н. Д. Тамарченко, «жанровая сущность новеллы – семантический ореол такой ее важнейшей и минимально необходимой для сохранения ее идентичности структурной особенности, как пуант» [2001, с. 19–20].

Между тем существуют и различия литературных жанров в коммуникативно-прагматической сфере, если ее понимать достаточно широко – как сферу взаимодействия автора и читателя в аспекте определенной конвенции экзистенциального смысла. В этом аспекте коммуникативно-прагматическая интенция романа соотносена с авторским раскрытием и читательским постижением так называемого смысла жизни, смысловой эссенции судьбы и окончательного отношения субъекта литературного дискурса к высшей точке самосознания и самоощущения – тогда как новелла отнесена, скорее, к практическому опыту жизни, отношению к смерти, метафорически воспринимаемой как опасный предел, обрыв, чреватый падением и исчезновением. Соответственно, конечные смысловые итоги постижения произведений в жанре романа или новеллы предстают как различные

¹ См. у Цв. Тодорова: «В литературоведческих исследованиях правила, свойственные дискурсу, изучаются обычно в разделе “жанры”» [1983, с. 367].

и даже противоположные, но равновеликие в своей экзистенции для автора и читателя коммуникативные события.

В работе «Жанр и дискурс» В. И. Тюпа связывает оба понятия и тем самым расширяет парадигму литературного жанра до прагматического (коммуникативного) измерения эстетического дискурса [2011]. По мысли автора статьи, «дискурс – это система не семиотических конвенций, а коммуникативных компетенций: креативной (субъектно-авторской), референтной (объектно-геройной) и рецептивной (адресатно-читательской)» [Там же, с. 34]. Система данных компетенций закономерно распространяется и на литературный жанр как коммуникативно-прагматический (и уже после этого структурно-поэтический) тип художественного произведения.

В. И. Тюпа подчеркивает аспект определенности дискурса по отношению к жанру: «жанр – это инвариант одноименного дискурса (если их имена совпадают) или, точнее, субдискурса, ибо речевые “жанры” всегда – модификации некоторого более широкого сегмента словесной культуры (“рода”») [Там же, с. 39], а также: «жанры художественной словесности суть такие же “речевые жанры”, как и все прочие дискурсивные практики» [Там же, с. 37].

Таким образом, мы возвращаемся к проблеме соотношения общекоммуникативного понятия высказывания и литературоведческой категории произведения. Высказывание как единица дискурса обладает уникальными свойствами, одновременно связывающими его с лингвистическим предложением и отделяющими от него. Предложение в рамках своего предикативного формата и в силу действия закономерностей актуального членения выступает потенциальным носителем информации, но только в живой, коммуникативно актуализированной речи способно реализовать эту функцию – и тем самым стать высказыванием как единицей дискурса. То же относится и к другому базовому свойству – интенциональной завершенности. Коммуникативную интенцию и сопряженный с ней интонационный рисунок предложение в окончательном виде обретает в живой речи – и мы снова имеем дело уже с высказыванием. Но в целом дело обстоит сложнее, потому что дискурсивное высказывание может быть как меньше лингвистического предложения, так и много больше его. Даже в спонтанной бытовой речи говорящие наполняют высказывания в диалоге различным количеством и качеством предложений, а также жестов, пауз, недосказанностей, что тоже несет определенную интенциональную нагрузку. Положение кардинальным образом меняется при переходе из устных в письменные дискурсы, целостные высказывания которых, построенные в рамках определенных речевых жанров, могут быть весьма большого объема – но при этом весь массив высказанного скрепляется единым коммуникативным намерением, или интенцией.

Раскрывая особенности художественного дискурса, И. В. Саморукова выделяет стадию «художественного высказывания», которое есть «эстетическая деятельность субъекта в дискурсивном пространстве» [2002, с. 57]. Еще один шаг – и мы оказываемся в зоне литературных жанров, будь то роман, повесть или новелла, мемуары и дневниковые записи или спектр стихотворных жанров. В любом случае базовое отношение остается неизменным: произведение является единицей литературного дискурса, а жанр – типом произведения в рамках определенного литературного рода и литературной традиции, но с той оговоркой, что теперь мы учитываем, как подчеркивали выше, коммуникативно-прагматическое измерение жанра.

Культурологическая трактовка дискурса становится существенной для литературоведческой проблематики в рамках проблемы «образа дискурса», т. е. ситуации, когда дискурс в определенной конфигурации выступает самостоятельным эстетическим объектом в литературном произведении, важным вне зависимости от позиции завершения героя как субъекта дискурса. Об «образе дискурса» применительно к русской классической литературе пишет Е. А. Сурков [2009]. Автор ориентируется на понимание дискурса «как “речевой” парадигмы конкретной коммуникативной ситуации или коммуникативного события, в которых устойчиво определены предмет высказывания и способ “говорения” о нем, мотивный комплекс реализации темы, тип речи и ее синтагматическое построение, а также и предполагаемый “образ аудитории”, т. е. необходимый тип восприятия, понимания, узнавания даже по отдельному “жесту” или элементу парадигмы основной смысловой доминанты в данном речевом акте» [Там же, с. 65]. В русской литературе XX в. особенно важным становится собственно языковой аспект «образа дискурса», позволяющий автору эстетически объективировать нарратора, представить его как самостоятельную дискурсивную инстанцию в повествовательной системе художественного произведения (что, например, характерно для нарраторов в произведениях М. Зощенко).

Важное методологическое значение для понимания функции дискурсивного обособления нарратора в литературном произведении приобретает подход к исследованию так называемого «советского дискурса», предложенный французским ученым Патриком Серио, представителем французской школы анализа дискурса [Квадратура смысла..., 1999].

В работе «Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций» [Серио, 1999] автор подвергает детальному разбору синтаксис образцов советского политического дискурса – партийных докладов Н. Хрущева и Л. Брежнева. Описывая «деревянный язык» подобных текстов, П. Серио обращает внимание на характерную двусмысленность его структурных составляющих – предложений, и склонность к обобщению, универсализации субъектов и фактов. Стремление языка к некоей однородности, универсальности, монолитности, как показывает автор, скрывает противоречия, поскольку дискурс, стремясь к внешней «объективности» и претендуя на тотальность описания окружающей реальности, одновременно нуждается и избегает выражения Другого, иными словами, включает его имплицитно, но эксплицитно «притворяется», что Другого не существует. В практическом приближении это могло выражаться, например, в преобладающей в таком дискурсе идее политического единства. Тезис о единстве партии и народа, определенной гомогенности политической структуры предполагает тотальную политическую реальность, внутри которой отрицается существование внутренних «противников» политической структуры, и в то же время противостоит возможности «враждебных антисоветских действий», имплицитно включенных и наделенных субъектностью в «интердискурсе».

Таким образом, советский политический дискурс создает «безопасного», но «пустого», не имеющего собственного конкретного содержания универсального субъекта (констатирующего «псевдоочевидные» факты, наподобие пародийной реконструкции научного языка), но в то же время скрывает и нейтрализует реального, самостоятельного субъекта, противопоставленного «универсализующей» и «тотализующей» политической и языковой реальности. Соответственно, со-

ветский политический дискурс стремится к универсальности и целостности и при этом содержит неустранимые противоречия.

Аналогичные идеи прослеживаются в другой работе автора – «Язык народа» [Серио, 2014], где описываются исторические языковые трансформации в советском обществе, вызванные политикой вмешательства в язык с целью его дискурсивной политико-идеологической коррекции. Стремление выделить предельно простой «народный» язык и одновременно унифицировать его как «язык всего народа», «язык единого народа» вновь приводит к противоречиям, свойственным советскому дискурсу, в том числе в случае упомянутого «деревянного» языка бюрократии. Необходимость тотализации языка в его множественных проявлениях в рамках различно понятой «языковой простоты» приводит к расхождениям в понимании языковой политики, поскольку весьма спекулятивное понятие «народа» подразумевает различные атрибуты, свойственные языку, зачастую противоположного значения: обыденность и романтичность, вульгарность и «высокую литературность». Можно сделать вывод, что данная многозначность является следствием «универсализации и нейтрализации» языка как способного содержать «враждебные», противопоставленные «народным», «пролетарским» смыслы, равно как и следствием оперирования «псевдоочевидным» представлением о едином и гомогенном народе, фактически внутренним постулатом советского политического дискурса.

Исключительное внимание французской школы анализа дискурса к тексту как таковому имеет важное методологическое значение для литературоведения. Выше мы определяли высказывание в качестве основной единицы дискурса, но так дело обстоит в дискурсах устных сфер общения, преимущественно обиходных или, напротив, сугубо спонтанных в своем творческом статусе, где особо значима риторика устных выступлений. Однако чем более баланс бытования дискурса продвигается от полюса устной речи к письменной, тем большее значение в структуре дискурса приобретает собственно текст [Демьянков, 2002; 2005]. В общем случае высказывание и текст образуют в системе дискурса равновеликое целое.

В простых и начальных случаях мы можем проследить рождение текста как момент кодовой фиксации высказывания (например, посредством букв) на бумаге, дисплее компьютера или другом доступном и принятом в культурной практике носителе. Собственно, начала текста можно обнаружить уже в обыденном дискурсе: люди обмениваются записками, текстовыми сообщениями в смартфонах, короткими письмами по электронной почте и т. д. – везде, где отсутствует возможность непосредственной устной коммуникации. В более сложные отношения высказывание и текст вступают в документальных дискурсах деловых сфер, администрирования, юриспруденции, законотворчества и т. п., где текст не только является носителем информационного и интенционального начала, но и определяет и сохраняет устойчивую структуру самого речевого жанра, будь то жанр делового письма или договора, приказа или пояснительной записки, правовой инструкции или законопроекта. В таких случаях содержательно-композиционные структуры текста протраивают дискурс, определяя в целом контуры его традиции. Далее, в дискурсах литературного творчества высказывание и текст уже в принципе невозможно разделить, разве что как два сопряженных вектора создания произведения, что особенно характерно для мира прозы.

Именно при анализе сложных дискурсов культуры и литературы, ориентированных на традиции текстопроизводства, становится значимым подход, представленный в работах П. Серио, и не только для целей общей характеристики дискурса, но и для задач исследования внутри- и междискурсивных взаимодействий, происходящих в пространстве единого текста. Это особенно важно для синтетических по своей природе текстов современной литературы, и здесь снова начинает звучать собственно литературоведческая проблематика, обогащенная теорией дискурса.

Концепция художественного дискурса, развернутая в обобщающих трудах В. И. Тюпы, совместно с подходами дискурсивного анализа французской школы и представлениями об образе дискурса выводит к актуальной проблематике постсоветского дискурса в русской литературе рубежа XX–XXI вв. в двух значимых аспектах: как эстетически значимого предмета изображения, характеризующего речевой портрет общества переходной эпохи и, что важнее, как эстетически «нагруженного» способа развертывания литературной наррации, когда между автором и читателем становится не просто характерный рассказчик с его характерной речью, а сам язык из предмета изображения становится активной средой и ключевым, если не тотальным, субъектным началом наррации. Данный аспект, в свою очередь, отвечает общей проблеме нарративных стратегий дискурсов в системе литературы. Нарративные стратегии как таковые, в том числе модели, способы и цели рассказывания, в своих различных проявлениях и конфигурациях формируют историческое повествование, публицистические и политические традиции, социальный быт эпохи и, наконец, выступают базовым основанием художественной литературы, в первую очередь ее эпического рода. Особенно важными нарративные стратегии дискурсов становятся в переломные моменты развития общества, поскольку в такие периоды они формируют сам предмет исторической рефлексии, понимание процессов, сдвигов, смыслов перемен, целей общественной и индивидуальной жизни – как в идеологии, так и в художественной литературе, которая в такие эпохи также в известной степени становится имманентно идеологичной.

Список литературы

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.

Бахтин М. М. К философии поступка // // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 9–69.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ / Сост. В. В. Петров; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М., 1989. 310 с.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т. М. Николаевой / Под ред. В. Н. Топорова. М., 2005. С. 34–55.

- Золотухин Д. С.* Терминологическая триада «langue – langage – parole» Фердинанда де Соссюра в работах разной степени аутентичности // Преподаватель. XXI век. 2016. № 3. С. 329–333.
- Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2.
- Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
- Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. 413 с.
- Ким И. Е., Силантьев И. В.* Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 163–174.
- Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1976. 239 с.
- Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
- Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 318 с.
- Николаева Т. М.* Актуальное членение – категория грамматики текста // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 48–54.
- Саморукова И. В.* Дискурс – художественное высказывание – литературное произведение. Типология и структура эстетической деятельности. Самара, 2002. 203 с.
- Серво П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса, анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.
- Серво П.* Язык народа // Транслит. 2014. № 14. С. 6–16.
- Силантьев И. В.* Текст в системе дискурсных взаимодействий. Новосибирск, 2004. 186 с.
- Сурков Е. А.* Образ дискурса, «память культуры», текст и межтекстовые связи // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 64–72.
- Тамарченко Н. Д.* Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь, 2001. 71 с.
- Тодоров Ц.* Понятие литературы / Пер. Г. К. Косикова // Семиотика / Ред. Ю. С. Степанов. М., 1983. С. 355–369.
- Тюпа В. И.* Прологомены к теории эстетического дискурса // Дискурс – 2/96. Новосибирск, 1996. С. 12–15.
- Тюпа В. И.* Жанр и дискурс // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 31–42.
- Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–96.
- Фуко М.* Археология знания: Пер. с фр. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 415 с.
- Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды, 1995–2000 гг.: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 389 с.

References

- Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp.7–180.

- Bakhtin M. M. K filosofii postupka [To the philosophy of the act]. In: Bakhtin M. M. *Raboty 1920-kh godov* [Works of the 1920s]. Kiev, 1994, pp. 9–69.
- Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Sobr. soch.* [Collected works]. Moscow, Russkie slovari, 1996, vol. 5: *Raboty 1940–1960 g.* [Works of 1940–1960]. pp. 159–206.
- Chepkina E. V. *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchiye praktiki i kody, 1995–2000 gg.* [Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes, 1995–2000s]. Dr. philol. sci. diss. Yekaterinburg, 2000.
- Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010, 594 p.
- Dijk van T. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: Sb. rabot* [Language. Cognition. Communication]. V. V. Petrov (Comp.), V. I. Gerasimov (Ed. of the transl. From English), Yu. N. Karaulov, V. V. Petrov (intro. art.). Moscow, 1989, 310 p.
- Dem'yankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. In: *Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya* [Political science. Political discourse: History and modern research]. Moscow, INION RAN, 2002, no. 3, pp. 32–43.
- Dem'yankov V. Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyden'nogo yazyka [Text and discourse as terms and as words of ordinary language]. In: *Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik k 70-letiyu T. M. Nikolayevoy* [Language. Personality. Text: Collection for the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva]. V. N. Toporov (Ed.). Moscow, 2005, pp. 34–55.
- Foucault M. *Arkheologiya znaniya: Per. s fr.* [Archeology of knowledge: Transl. from French]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 2004.
- Foucault M. Poryadok diskursa [The order of discourse]. In: Fuko M. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow, 1996, pp. 47–96.
- Karasik V. I. *Yazykovoy krug: Lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 389 p.
- Kim I. Ye., Silan'yev I. V. Sfera obshcheniya i diskurs: terminologicheskaya izbytochnost' ili sushchnostnoye razliche? [The sphere of communication and discourse: terminological redundancy or essential difference?]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 163–174.
- Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktual'noye chleneniye predlozheniya: Ucheb. posobie* [Modern Russian language. Word order and actual division of the sentence: Textbook]. Moscow, Prosveshchenie, 1976.
- Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa: Per. s fr. i portug.* [Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis: Transl. from French and Portug]. Moscow, Progress, 1999, 413 p.
- Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis, 2003, 276 p.
- Matezius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [On the so-called relevant segmentation of a sentence]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow, Progress, 1967, pp. 239–245.
- Meletinskiy E. M. *Vvedeniye v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historical poetics of the epic and the novel]. Moscow, Nauka, 1986, 318 p.

Nikolaeva T. M. Aktual'noe chlenenie – kategoriya grammatiki teksta [The relevant segmentation – a category of text grammar]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1972, no. 2, pp. 48–54.

Samorukova I. V. *Diskurs – khudozhestvennoye vyskazyvaniye – literaturnoye proizvedeniye. Tipologiya i struktura esteticheskoy deyatel'nosti* [Discourse – artistic expression – literary work. Typology and structure of aesthetic activity]. Samara, 2002, 203 p.

Seriot P. Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa, analiz nominalizatsiy [Russian language and analysis of Soviet political discourse, analysis of nominalizations]. In: *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress, 1999, pp. 337–383.

Seriot P. Yazyk naroda [The language of the people]. *Translit*. 2014, no. 14, pp. 6–16.

Silantev I. V. *Tekst v sisteme diskursnykh vzaimodeystviy* [Text in the system of discursive interactions]. Novosibirsk, 2004, 186 p.

Surkov Ye. A. Obraz diskursa, “pamyat' kul'tury”, tekst i mezhtekstovyye svyazi [Image of discourse, “memory of culture,” text and intertextual connections]. *Siberian Journal of Philology*. 2009, no. 2, pp. 64–72.

Tamarchenko N. D. *Teoriya literaturnykh rodov i zhanrov. Epika* [Theory of literary genres. Epics]. Tver', 2001, 71 p.

Todorov Tz. Ponyatiye literatury [The concept of literature]. G. K. Kosikova (Transl.). In: *Semiotika* [Semiotics]. Yu. S. Stepanov (Ed.). Moscow, 1983, pp. 355–369.

Tyupa V. I. Prolegomeny k teorii esteticheskogo diskursa [Prolegomena to the theory of aesthetic discourse]. In: *Diskurs – 2/96* [Discourse – 2/96]. Novosibirsk, 1996, pp. 12–15.

Tyupa V. I. Zhanr i diskurs [Genre and discourse]. *Critique and Semiotics*. 2011, no. 15, pp. 31–42.

Zhanry rechi: Sb. nauch. st. [Genres of speech: a coll. of sci. art.]. Saratov, Kolledzh, 1999.

Zolotukhin D. S. Terminologicheskaya triada “langue – langage – parole” Ferdinanda de Sossyura v rabotakh raznoy stepeni autentichnosti [Terminological triad “langue – langage – parole” of Ferdinand de Saussure in the works of varying degrees of authenticity]. *Prepodavatel XXI vek*. 2016, no. 3, pp. 329–333.

Информация об авторе

Алексей Игоревич Силантьев, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Aleksei I. Silantev, Postgraduate student at the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 24.04.2023;
одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 24.04.2023;
approved after reviewing on 10.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023*